

ИССЛЕДОВАНИЯ

Роль антропологии Канта в теории конфликтов Р. Дарендорфа: «Необщительная общительность» в человеческой природе, культуре и политике

А.Г. Жаворонков

Институт философии РАН, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва,
Россия
outdoors@yandex.ru

Аннотация. В своей статье я разбираю центральное для социальной философии Канта и одно из наиболее обсуждаемых в социальных науках понятие «необщительной общительности» из перспективы его влияния на теорию конфликтов Ральфа Дарендорфа. В первой части я показываю, что «необщительная общительность» служит связующим звеном между различными областями кантовской философии (этикой, философией истории, антропологией, социальной и политической философией), и кратко описываю особенности ее критической рецепции. Во второй половине статьи я обращаюсь к вопросу о роли этого понятия в теории конфликтов Дарендорфа. Я показываю, что это понятие неявно присутствовало уже в его ранних трудах 1950-х гг. и постепенно стало играть все более очевидную роль в предложенном им подходе к анализу конфликтов, особенно заметную в работах 1980–2000-х гг. В отличие от критиков Дарендорфа, считавших понятие необщительной общительности методологически чуждым его

социальной теории, я полагаю, что оно служит ее ключевой, теоретически обоснованной составной частью, а не антропологической виньеткой, лишь отдающей дань Канту как социальному мыслителю. Более того, оно продолжает оказывать существенное влияние и на более современные подходы, в первую очередь поскольку позволяет рассматривать конфликты из нормативной перспективы и критически оценивать утопические элементы предшествующих интерпретаций.

Ключевые слова: И. Кант, прагматическая антропология, Р. Дарендорф, теория конфликтов, необщительная общительность

Для цитирования: Жаворонков, А.Г. «Роль антропологии Канта в теории конфликтов Р. Дарендорфа: “Необщительная общительность” в человеческой природе, культуре и политике». *Историко-философский ежегодник* 37 (2022): 8–35.

The Role of Kant’s Anthropology in Ralf Dahrendorf’s Theory of Conflicts: “Unsocial Sociability” in Human Nature, Culture and Politics

Alexey G. Zhavoronkov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 109240, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, Russia
outdoors@yandex.ru

Abstract. My paper focuses on one of the most discussed key concepts of Kant’s social philosophy, namely on his notion of “unsocial sociability”, from the perspective of its influence on Ralph Dahrendorf’s theory of social conflicts. In the first part, I show how various areas of Kant’s philosophy – his ethics, philosophy of history, anthropology, social and political philosophy – are connected through this concept, and briefly describe the key features of its critical reception. In the second half of the article, I turn to the question concerning the role of this concept in Dahrendorf’s theory. I show that this concept was already implicitly present in his early studies of the 1950s and was gradually becoming a more explicit part of his approach to the analysis of conflicts, playing its most prominent role in his works of the 1980s and 2000s. In contrast to those critics of Dahrendorf who regard the notion of unsocial sociability as methodologically

alien to his social theory, I argue that Kant's concept is used as its theoretically substantiated component rather than an anthropological vignette that only pays tribute to Kant as a social thinker. Moreover, it still significantly influences more recent approaches, primarily because it allows scholars to see conflicts in a normative light and to critically assess utopian elements of previous interpretations.

Keywords: I. Kant, pragmatic anthropology, R. Dahrendorf, conflict theory, unsocial sociability

For citation: Zhavoronkov, Alexey G. "The Role of Kant's Anthropology in Ralf Dahrendorf's Theory of Conflicts: 'Unsocial Sociability' in Human Nature, Culture and Politics." *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 37 (2022): 8–35. (In Russian)

Поступила в редакцию / Received: 03.05.22

Поступила после рецензирования / Revised: 27.06.22

Принята к публикации / Accepted: 30.06.22

Является ли Кант социальным философом и можем ли мы говорить о его фундаментальном влиянии на методологию крупных социологических школ? Принимая во внимание огромную традицию рецепции Канта в социальных науках, вопрос представляется не только банальным, но и излишним. Очевидно, что кантовская философия уже внесла и способна в будущем внести вклад в обсуждение целого ряда ключевых социальных тем – социальной справедливости, роли моральных норм, формирования стратегий разумного поведения и не в последнюю очередь природы социальных конфликтов. Не менее очевидно, впрочем, что представители социальных наук в своем абсолютном большинстве по-прежнему испытывают недоверие к некоторым сторонам социальной философии Канта, особенно к его антропологии как проекту социально ориентированной научной дисциплины¹,

¹ Во времена Канта социальных наук еще не существовало. С другой стороны, Кант принимал живое участие в начавшейся еще в XVII в. дискуссии о возможности сделать философские идеи доступными для широкой публики, а не только для узких академических (схоластических/школьных) кругов. Во многом из этой дискуссии выросли ключевые для Канта тезисы о прагматической антропологии как науки о мире и для мира.

имеющей прагматическую, преимущественно эмпирическую направленность. И хотя в последние два десятилетия ситуация понемногу начала меняться, история социологической рецепции ключевых антропологических идей и понятий философии Канта еще не написана и в лучшем случае находится в проекте². Не является исключением и понятие «необщительная общительность», о котором пойдет речь в дальнейшем. Именно это понятие наглядно демонстрирует отмеченный некоторыми выдающимися специалистами, но все же по-прежнему скрытый от многих представителей общественных наук потенциал кантовской антропологической мысли, выходящий за пределы узко-философской проблематики.

1. «Необщительная общительность» и антропология Канта

Понятие необщительной общительности (*ungesellige Geselligkeit*)³ Кант заимствует у Монтеня⁴, одного из своих любимых авторов. Однако обрамляющая это понятие дискуссия вокруг противоречий между эгоистическими склонностями и (необходимым) стремлением к социализации гораздо старше⁵. Ее началом

² В то же время другие аспекты социологической рецепции кантовских идей уже подверглись глубокому изучению, в т.ч. и в России. См., в особенности, А.Ф. Филиппов, *Социология пространства* (СПб.: Владимир Даль, 2008), 74–82 и др.

³ На русский язык его переводят и как «асоциальная социальность», а также – не слишком удачно – как «недоброжелательная общительность». Последний вариант мы, к несчастью, встречаем в шеститомном и восьмитомном русском собрании сочинений Канта.

⁴ Ср. Опыты, книга первая, гл. XXXIX: Об уединении: «И нет другого существа, которое было бы столь же неуживчиво и столь же общительно, как человек: первое – по причине его пороков, второе – в силу его природы»; Мишель Монтень, *Опыты. Книга первая*, пер. А.С. Бобовича (М., Л.: Издательство АН СССР, 1954), 304.

⁵ Подробнее об основных этапах дискуссии см. Jerome Borges Schneewind, «Good out of evil: Kant and the idea of Unsocial Sociability» in *Kant's Idea of the Universal History with a Cosmopolitan Aim*, ed. Amelie O. Rorty and James Schmidt (Cambridge: Cambridge University Press, 2009), 94–111.

можно считать как аристотелевскую формулу ζῆλον πολιτικόν, так и высказывания эпикурейцев об удовольствии как мотивации человеческого сотрудничества, а также стоиков о стремлении к самосохранению, в ходе человеческого развития дополняемом уважением к другим, необходимым для жизни в общественной среде. В Новое время важным этапом в обсуждении темы и развитием идей стоиков стал тезис, сформулированный Гуго Гроцием в трактате «О праве войны и мира» («De jure belli ac pacis»). В пролегоменах к трем книгам Гроций, ссылаясь на стоическое понятие οἰκείωσις («освоение», «сродство»), утверждает, что стремление к «руководимому собственным разумом» общению с себе подобными является специфическим для человека свойством, тем самым опровергая мнение, будто «каждое животное по природе стремится только к собственной пользе»⁶. В противоположность Гроцию многие философы, обращавшиеся к этой теме позднее, в частности Томас Гоббс и Самуэль фон Пуфендорф, считали стремление к социализации не естественным свойством, а императивом, вызванным необходимостью достижения и сохранения мира. У графа Шефтсбери и у Фрэнсиса Хатчесона, напротив, подчеркивается естественный характер стремления к социализации, связанный, однако, не с побуждениями разума, но с базовыми социальными эмоциями – любовью (Шефтсбери) или благожелательностью к другим (Хатчесон). Таким образом, обращаясь к вопросу о противоречиях между индивидуальным эгоизмом и социализацией, Кант включает в уже идущие между различными школами дебаты, однако не присоединяется к какому-либо лагерю, а предлагает свой собственный, уникальный взгляд на проблему.

Впервые понятие «необщительной общительности» появляется в статье Канта «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» («Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht», 1784)⁷, интересной как из генетической

⁶ Гуго Гроций, *О праве войны и мира*, под ред. С.Б. Крылова, пер. А.Л. Саккетти (М.: Ладомир, 1994), 45.

⁷ Кант обдумывает концепцию необщительной общительности уже в середине 1770 гг.: ср. конспекты лекции по антропологии (Фридлендер; АА XXV, 586). Здесь и далее я, помимо русских переводов (отсутствующих

и историко-философской, так и из практической перспективы. В этой работе, состоящей из девяти положений, Кант обрисовывает контуры своей философии истории, одновременно подготавливая почву для некоторых ключевых тезисов о государственном устройстве и международном праве, более подробно сформулированных в работе «К вечному миру». В четвертом положении Кант говорит о том, что любой человек движим эгоистическими мотивами, но также и стремлением к социальному признанию. Неизбежно возникающий при таких изначальных, заданных природой условиях антагонизм Кант называет ключевым инструментом развития всех задатков людей:

Средство, которым природа пользуется для того, чтобы осуществить развитие всех задатков людей, – это антагонизм их в обществе, поскольку он в конце концов становится причиной их законосообразного порядка. Под антагонизмом я разумею здесь необщительную общительность [корректурa моя. – А.Ж.] людей, т.е. их склонность вступать в общение, связанную, однако, с всеобщим сопротивлением, которое постоянно угрожает обществу разъединением. Задатки этого явно заложены в человеческой природе. Человек имеет склонность общаться с себе подобными, ибо в таком состоянии он больше чувствует себя человеком, т.е. чувствует развитие своих природных задатков. Но ему также присуще сильное стремление уединяться (изолироваться), ибо он в то же время находит в себе необщительное свойство – желание все сообразовать только со своим разумением – и поэтому ожидает отовсюду сопротивление, так как он по себе знает, что сам склонен сопротивляться другим. Именно это сопротивление пробуждает все силы человека, заставляет его преодолевать природную лень, и, побуждаемый честолюбием, властолюбием или корыстолюбием, он создает себе положение среди своих ближних, которых он, правда, не может терпеть, но без которых он не может и обойтись. Здесь начинаются первые истинные шаги от грубости к культуре, которая, собственно, состоит в общественной ценности человека⁸.

в случае с антропологическими лекциями), ссылаюсь на немецкое академическое собрание трудов И. Канта (Akademie-Ausgabe, сокращенно – АА).

⁸ Иммануил Кант, «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», в *Сочинения*, 6 тт., т. 6 (М.: Мысль, 1966), 10 (= АА VIII, 20–1).

Понятию «необщительной общительности» Кант придает связующую роль между своей теоретической философией и разными элементами практической философии. При этом важно учитывать, что описываемые понятием «необщительной общительности» отношения между двумя разнонаправленными элементами человеческой жизни не являются иерархическими⁹, но представляют собой сложное взаимодействие исторических, моральных, антропологических и политических факторов. Иными словами, во избежание слишком узких интерпретаций понятие необщительной общительности имеет смысл рассматривать сразу из нескольких перспектив.

С **этической** точки зрения концепция необщительной общительности, как справедливо замечает кантовед Ален Вуд, имеет неожиданно радикальный характер¹⁰. В «Основоположении к метафизике нравов» Кант делает важное замечание об отношении между моральными принципами в теории и практической ситуацией их применения: «На самом деле совершенно невозможно выяснить посредством опыта с полной достоверностью хотя бы один случай, где максима вообще согласного с долгом действия покоилась бы исключительно на моральных основаниях и на представлении о долге»¹¹. Речь не только и не столько о том, что практика всегда отличается от абстрактной теории. Кант имеет в виду, что сама природа человека, особенности его характера и поведения¹² не позволяют нам ожидать идеального следования принципам и что наши желания ни в коей мере не находятся в гармонии с моральными принципами. Более того, по Канту эта проблема не может быть устранена ни привычкой, ни воспитанием. Разумеется,

⁹ Именно как иерархические их рассматривает, в частности, Т.И. Ойзерман в своих примечаниях к русскому переводу «Идеи».

¹⁰ Allen Wood, «Unsocial Sociability: The Anthropological Basis of Kantian Ethics», *Philosophical Topics* 19 (1991): 327.

¹¹ Иммануил Кант, «Основоположение к метафизике нравов», в *Сочинения на русском и немецком языках*, т. 3, под ред. Эриха Соловьёва, Андрея Судакова, Буркхарда Тушлинга, Ульриха Фогеля, 100–01. М.: Московский философский фонд, 1997 (= AA IV, 406).

¹² Кант иронически называет их «любезное Я, которое всегда бросается в глаза»: Кант, «Основоположение», 102–03 (= AA IV, 407).

это вовсе не означает, что бесполезно заниматься поисками морального идеала. Напротив, именно по причине несовершенства и вариативности применения разума с прагматической точки зрения подобный идеал оказывается жизненно необходимым – в качестве константы и не заимствованного из практических примеров ориентира¹³, с которым можно сверяться в различных обстоятельствах.

Легко заметить, что с этической тесно связана **антропологическая** составляющая понятия необщительной общительности. Тот, кто желает обрести настоящую «житейскую мудрость» и развить в себе прагматический разум¹⁴, вокруг которого построена кантовская антропология, должен признать это

¹³ Кант, «Основоположение», 104–05 (= AA IV, 408).

¹⁴ Понятию прагматического разума в кантоведении пока уделяется крайне мало внимания. Исключения составляют работы Каульбаха, Ленка и Штурма: Friedrich Kaulbach, «Weltorientierung, Weltkenntnis und pragmatische Vernunft bei Kant», in *Kritik und Metaphysik. Studien: Heinz Heimsoeth zum 80 Geburtstag*, hrsg. Friedrich Kaulbach und Joachim Ritter (Berlin: De Gruyter, 1966), 60–75; Hans Lenk, *Pragmatische Vernunft. Philosophie zwischen Wissenschaft und Praxis* (Stuttgart: Reclam, 1979); Thomas Sturm, *Kant und die Wissenschaften vom Menschen* (Paderborn: Mentis Verlag, 2009); Thomas Sturm, «Kant on the Ends of Sciences», *Kant-Studien* 111 (2020): 1–28. В связи с социологической рецепцией кантовских идей важно, что прагматический разум описывает, с одной стороны, процесс систематизации нашего знания о мире как в первую очередь социальной среде, а с другой – нас самих как существ, вовлеченных в процесс приобретения, трансформации и дополнения этого знания. С одной стороны, кантовская концепция прагматического разума является специфической формой теоретического применения разума. Последнее заключается в гипотетическом использовании разума, в «Критике чистого разума» четко отделенном от аподиктического способа и направленном на вынесение теоретических, ориентированных на максимы благоразумия (подробнее о благоразумии см. Кант, «Основоположение», 126–31 (= AA IV, 415–16)) суждений о возможных действиях в конкретных жизненных обстоятельствах, всегда содержащих в себе элемент неожиданности и неясности. С другой стороны, прагматическая рациональность предполагает и практическое применение разума, направленное, не в последнюю очередь, на достижение общего благополучия (см. Кант, «Основоположение», 126–29 (= AA IV, 416)) благодаря систематизации прагматически ориентированного знания и культивации способностей, благоприятствующих более эффективному социальному взаимодействию.

противоречие и научиться с ним обращаться. Согласно Канту, природа поместила в человеческий вид зародыш раздора, но в то же время предназначила его для социальной жизни, желая, чтобы его разум вывел из раздора «*согласие*, по крайней мере постоянное приближение к нему»¹⁵. Предмет прагматической антропологии – то, что человек, «как свободно действующее существо, делает или может и должен делать из себя сам»¹⁶, – следует тем самым интерпретировать и из перспективы динамики социального взаимодействия и конкуренции. Ответом на вызов «необщительной общительности» в «Антропологии с прагматической точки зрения» становится идея всемирно-гражданского общества как регулятивный принцип для определения предназначения человеческого рода¹⁷.

Если говорить об отношениях между противоположными социальными элементами человеческой природы, чрезвычайно важно учитывать понимание Кантом логики развития человеческой **культуры**. Человеческий эгоизм, или, как выражается Кант, способность к самоизоляции, к постановке индивидуальных целей, является условием возникновения культуры благодаря индивидуальным талантам и уникальным идеям, в обществе тотального единодушия, «взаимной любви» и лениности обреченным на вечное прозябание в зародыше¹⁸. В то же время условием успешного долгосрочного развития культуры, предполагающего утончение ее инструментов и формулирование практических принципов социального действия, является «общительность», требующая от человека принимать в расчет нужды и цели других, становиться на позицию другого.

В связи с проблематикой долгосрочного развития человечества Кант придает необщительной общительности роль

¹⁵ Иммануил Кант, «Антропология с прагматической точки зрения», в *Сочинения*, 6 тт., т. 6 (М.: Мысль, 1966), 575 (= AA VII, 322). Здесь можно обнаружить интересные параллели с теорией Адама Смита (еще одного любимого автора Канта) о «невидимой руке», направляющей действия человека, и о связи между интересами индивида и общества.

¹⁶ Кант, «Антропология», 351 (= AA VII, 119).

¹⁷ Кант, «Антропология», 584 (= AA VII, 331).

¹⁸ Кант, «Идея всеобщей истории», 12 (= AA VIII, 21).

краеугольного камня и в своей **философии истории**. Человек не может с абсолютной уверенностью знать конечной цели истории, как и того, способствует ли она постепенному улучшению или ухудшению состояния человечества. Тем самым не имеет смысла и проект написания истории, исходящий из общего представления о том, каков должен быть естественный ход вещей, подчиненный разумным целям: Кант язвительно замечает, что при подобном подходе у нас в лучшем случае получился бы роман¹⁹. Однако это не должно мешать нам задаваться собственными целями ради систематизации наших в противном случае беспорядочных поступков, предполагая, что конечной целью истории должно стать как можно более полное развитие и реализация заложенных в человеке природных задатков²⁰. В соответствии с этим представлением мы можем стремиться к постепенному улучшению нашего состояния с помощью разума – не только из многовековой перспективы, с которой имеют дело в первую очередь историки, но в рамках достаточно короткой человеческой жизни. В свою очередь, развитие человека, начиная с самых ранних этапов, согласно тезисам Канта в «Предполагаемом начале человеческой истории» (1786), постоянно находилось под влиянием фактора необщительной общительности²¹: эгоистические тенденции изначально способствовали тому, что на ранних этапах человек привык пользоваться разумом для удовлетворения собственных потребностей, а на этапах более поздних ему пришлось сообразовываться с необходимостью кооперации – не только для более полного удовлетворения тех же самых потребностей, но с учетом конечной цели, полноценного развития заложенных в нем задатков, которое может быть достигнуто лишь коллективными усилиями.

Такая постановка вопроса не может не иметь следствий в **политической** сфере. Поскольку целью является как можно

¹⁹ Кант, «Идея всеобщей истории», 21 (= AA VIII, 29).

²⁰ Кант, «Идея всеобщей истории», 9 (= AA VIII, 18). Ср. об этом: Pauline Kleingeld, *Fortschritt und Vernunft: Zur Geschichtsphilosophie Kants* (Würzburg: Königshausen & Neumann, 1995), 13–4.

²¹ Иммануил Кант, «Предполагаемое начало человеческой истории», в *Собрание сочинений*, 8 тт., т. 8 (М.: Чоро, 1994), 74 слл. (= AA VIII, 111 слл.).

более полная реализация задатков каждого человека (т.е. всего человечества), а не отдельных индивидов, и, в то же время, преодоление гомогенизации общества, враждебным общительной общительности государственным устройством оказывается любая форма диктатуры, искореняющая альтернативные мнения и идеи. Именно идея необщительной общительности служит исходным импульсом для намеченной уже в «Идее всеобщей истории» и развитой Кантом в работе «К вечному миру», а также в «Антропологии с прагматической точки зрения» идеи всемирно-гражданского общества, основанного на принципах свободы и равенства. Кант согласен с Руссо в том, что изначально для человеческого эгоизма характерно представление о неравенстве, распространяющееся на общественные отношения и культуру в целом, – в том случае, добавляет Кант, пока она развивается без какого-либо плана. Более того, эгоистические тенденции и связанные с ними потребности растут по мере все большей включенности в общественные отношения: чем шире наша картина мира и наши социальные связи, тем обширнее и индивидуальные запросы. Проистекающее из этого положение вещей социальное соперничество способствует развитию культуры²², тем самым оказываясь одновременно источником «многого зла, но вместе с тем и всего доброго»²³. Однако конечная цель этого развития состоит все же в достижении плюралистического видения мира, соответствующего предполагаемой нами цели природы. В поздних работах Канта, в частности в «Метафизике нравов» (1797), вытекающие из концепции необщительной общительности следствия даже берут верх над кантовской идеей республиканского устройства: Кант признает, что вечный мир, скорее всего, всегда будет оставаться «неосуществимой идеей», а конфликты между государствами и государственными союзами по-прежнему будут происходить, но это не должно удерживать нас от использования идеи вечного мира в качестве ориентира для политического действия, направленного на обеспечение как можно более мирного сосуществования людей, народов и государств²⁴.

²² Здесь можно обнаружить некоторое сходство позиции Канта с ключевыми элементами философии культуры Ф. Ницше.

²³ Кант, «Предполагаемое начало человеческой истории», 84 (= AA VIII, 119).

²⁴ Иммануил Кант, «Метафизика нравов», в *Сочинения*, 6 тт., т. 4/2 (М.: Мысль, 1965), 277–79 (= AA VI, 350–51).

Многослойность понятия необщительной общительности, антропологическая роль которого оставалась вне поля зрения многих исследователей, вызывала в философии XX в. полярные реакции, в т.ч. и резкую критику. В Германии одним из заметных философских и социологических критиков концепции необщительной общительности был Гельмут Плеснер, упрекавший Канта в том, что он не учитывает социологически базовое, многократно подчеркнутое Плеснером в «Границах сообщества» различие между индивидуальным и социально обусловленным действием, т.е. между индивидом и личностью, носящей социальную маску²⁵. В англоязычной среде с совершенно иных позиций, но столь же резко критиковал «необщительную общительность» как часть телеологически ориентированной кантовской философии истории Ричард Рорти²⁶. Среди русскоязычных критических откликов наиболее известно, пожалуй, примечание Теодора Ильича Ойзермана к «Идее всеобщей истории» в русском шеститомном собрании сочинений Канта. Рассматривая кантовскую концепцию из марксистской перспективы, Ойзерман высказывает серьезные сомнения в возможности применить ее к реальным условиям социальных взаимоотношений: по его словам, Кант «не имеет представления о противоречиях, которые порождает правовой строй (буржуазная демократия, республика), основывающийся на частной собственности на средства производства», хотя и в целом правильно указывает на значимость эгоистических факторов социального действия²⁷.

²⁵ См. работу Плеснера «Необщительная общительность: заметки об одном кантовском понятии» (1966): Helmuth Plessner, «Ungesellige Geselligkeit. Anmerkungen zu einem Kantischen Begriff», in *Gesammelte Schriften*, Bd. VIII, *Conditio humana* (Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1983), 306. О критике Плеснера в контексте социологической рецепции кантовской антропологии см.: А.Г. Жаворонков, «Социальные аспекты антропологии Канта и их влияние на социологию XX века: проблемы и примеры», *Вопросы философии* 12 (2019): 198–208.

²⁶ Подробнее о ключевых тезисах Рорти см. Loren Goldman, «Richard Rorty's Post-Kantian Philosophy of History», *Journal of the Philosophy of History* 9/3 (2015).

²⁷ Т.И. Ойзерман, «Примечания», в Иммануил Кант, в *Сочинения*, 6 тт, т. 6 (М.: Мысль, 1966), 655. В примечаниях к этой же работе в 8 т. восьмитомного

В немецкой и английской социологической традиции рецепция понятия «необщительной общительности» играла заметную, хотя и совсем не магистральную роль: помимо Ральфа Дарендорфа можно упомянуть Георга Зиммеля²⁸, Макса Адлера²⁹ и Франца Оппенгеймера³⁰. Социологической значимости кантовской концепции воздавали должное и в работах по истории социологии³¹. Однако в последние десятилетия, в рамках эмпирического поворота в ряде областей социологических исследований (например в социологии космополитизма, начиная с работ Ульриха Бека), отношение к ней стало заметно более прохладным. Причина тому не только в растущей критике нормативной ориентации социальных аспектов философии Канта, но и в крайне не настроенном, местами враждебном отношении к кантовской антропологии – в первую очередь в связи с академической, а в последнее время и широкой общественной полемикой

русского собрания сочинений (с. 660–62) выдержан нейтральный тон, однако понятию «необщительной общительности» не уделяется специального внимания, как не дается и оценки актуальной значимости выдвинутых Кантом аргументов. Отмечу также, что Т.И. Ойзерман значительно позднее возвращается к теме необщительной общительности, рассматривая ее более детально и углубленно: Т.И. Ойзерман, «Исторический оптимизм Канта», *Кантовский сборник* 1 (21) (1999).

²⁸ Georg Simmel, *Individualismus der modernen Zeit und andere soziologische Abhandlungen*, ausgewählt von Otthein Rammstedt (Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2008), 195, 202.

²⁹ Max Adler, *Marx und Engels als Denker* (Bremen: Wiener Verlag für Sozialforschung, 2016), 65.

³⁰ Franz Oppenheimer, *System der Soziologie*, Bd. 1, *Allgemeine Soziologie*, Нб. 2, *Der soziale Prozess* (Jena: Gustav Fischer, 1923), 1062–63. Стоит также отметить, что среди важнейших предшественников социологии, обращавшихся к связанным с концепцией необщительной общительности вопросам, был Томас Мальтус; см.: Zdzisław Kieliszek, «Future Conflicts Are Inevitable: Causes of Interpersonal Conflicts According to Immanuel Kant and Thomas R. Malthus», *Philosophy and Cosmology* 22 (2019).

³¹ Friedrich Jonas, *Geschichte der Soziologie*, Bd. 1, *Aufklärung, Liberalismus, Idealismus*, 2. Aufl. (Opladen: Westdeutscher Verlag, 1981), 130; Bert N. Adams, Rosalind A. Sydie, *Sociological Theory* (Thousand Oaks: SAGE Publications, 2001), 27; Ежи Шацкий, *История социологической мысли*, т. 1, пер. с польского (М.: Новое литературное обозрение, 2018), 169.

вокруг расистских высказываний философа³². Понятие «необщительной общительности» или стараются не упоминать совсем³³, или называют слишком общей³⁴, т.е. лишенной строгой научной основы и потому методологически противоречивой концепцией. Однако примеры адаптации кантовского понятия к социологическим теориям доказывают, что оно, несмотря на свой обобщающий характер и некоторые аргументационные недостатки, связанные преимущественно с его телеологическими аспектами, вполне успешно способно описывать ключевые закономерности социальной жизни – не в последнюю очередь благодаря своей прагматической направленности. Наглядным свидетельством тому служит рецепция понятия «необщительной общительности» в конфликтологии Ральфа Дарендорфа и влияние этого аспекта наследия Дарендорфа и Канта на современные теории конфликтов.

2. «Необщительная общительность» как антропологический элемент социологической теории Р. Дарендорфа

Наряду с Людвигом Гумпловичем и Лестером Уордом, Дарендорф считается одним из ключевых мыслителей, заложивших основы для исследований конфликтов как специального направления социологии. Наибольшую академическую известность ему принесли работы «Социальные классы и классовый

³² Подробнее о двух уровнях дискуссии о кантовском расизме см. А.Г. Жаворонков, «Антропология Канта в контексте дебатов о расизме в истории философии», *Историко-философский ежегодник* 36 (2021).

³³ Современные социальные философы и популяризаторы науки, напротив, охотно пользуются этим понятием. См.: Robert Wright, *Nonzero: The Logic of Human Destiny* (New York: Pantheon Books, 1999), 68–77; Bernhard Waldenfels, «Das Dilemma einer ungeselligen Geselligkeit», in *Sozialität und Alterität: Modi sozialer Erfahrung* (Berlin: Suhrkamp, 2015).

³⁴ Tilman Reitz, «From Unsocial Sociability to Antagonistic Society (and back Again): The Historical Role and Social-scientific Presence of an Anthropological Trope», in *Thinking about Enlightenment: Modernity and Its Ramifications*, ed. Martin L. Davies (London and New York: Routledge, 2016).

конфликт в индустриальном обществе» (1959) и «Общество и демократия в Германии» (1969). В этих и в других книгах, затрагивающих проблематику социальных конфликтов, например в «Социологии индустрии и производства» (1956), Дарендорф, помимо Вебера, Маркса (при анализе классовых конфликтов и роли властных отношений) и Поппера (в вопросе о свободе в обществах открытого типа), опирается и на идеи Канта.

К сожалению, несмотря на свое огромное влияние на современную европейскую социологию и на официальное признание его заслуг в российской академической среде³⁵, в России Ральф Дарендорф, на мой взгляд, остается одним из самых недооцененных социологов второй половины XX в.: лишь немногие его работы переведены на русский язык, а интерес к ним, если судить по частоте упоминаний в научных работах, совершенно незаслуженно остается невысоким. Еще менее высок он в социальной философии, хотя исследуемые в социологии конфликтов проблемы, казалось бы, как никогда актуальны для современной России. Эти обстоятельства вполне объясняют, почему влияние социальных аспектов философии Канта на конфликтологию Дарендорфа, как и на современные теории конфликтов, еще не стало предметом специального изучения в русскоязычных исследованиях.

Одной из основных проблем, специфических не только для немецкой социологии, но и в целом для умонастроений в послевоенной Германии, Дарендорф считал склонность немцев избегать конфликтов и с этой целью искать окончательные решения, не позволяющие конфликтам возникать в будущем³⁶. Такому взгляду, которым, по его мнению, немцы во многом обязаны Гегелю, Дарендорф противопоставил восходящую к Канту идею необходимости, неизбежности и культурно-социальной продуктивности конфликтов. В противовес доминировавшему прежде, в особенности в англоязычной социологии, представлению о конфликте как разрушительной аномалии, характерном,

³⁵ С 1994 г. Дарендорф был иностранным членом Российской академии наук.

³⁶ Ralf Dahrendorf, *Gesellschaft und Demokratie in Deutschland* (München: Piper, 1965), 197, 237.

в частности, для структурного функционализма Толкотта Парсонса, Дарендорф предлагает научиться смотреть на конфликты как на неизбежные и постоянно присутствующие в любом развивающемся обществе элементы. Решения конфликтов по Дарендорфу не могут быть постоянными, но всегда оказываются временными: то, что работает сегодня, может перестать работать или даже оказаться вредным завтра. Подход к конфликтам должен быть прагматичным: мы не должны их избегать или искать возможности устранить их полностью, но лишь обсуждать и применять решения для текущего момента, имея в виду, что в будущем может возникнуть необходимость вернуться к тем же вопросам в условиях изменившейся ситуации.

Впервые идея необходимости конфликтов для развития общества была детально сформулирована Дарендорфом в работе «Социальные классы и классовый конфликт в индустриальном обществе». Хотя в ней он еще не ссылается на Канта прямо, ключевые аспекты его аргументации чрезвычайно схожи с кантовскими³⁷. По Дарендорфу конфликт является неотъемлемой частью общественной структуры и динамики социального развития. Более того, он является необходимым для жизни в принципе, а в сфере культуры играет роль ключевого условия индивидуальной креативности. С одной стороны, он способствует интеграции (а не распаду) социальных систем, а с другой – их постепенной трансформации. И наконец, наиболее интересные для анализа аспекты социальных конфликтов лежат не в синхронной плоскости (в т.ч. в сохранении *status quo*), а в плоскости диахронной, исторической, поскольку общества постоянно видоизменяются. Иными словами, уже на начальной стадии формирования его теории конфликтов для Дарендорфа оказываются одновременно важными культурная, историческая и антропологическая составляющая кантовской «необщительной общительности».

В книге Дарендорфа «Конфликт и свобода» («Konflikt und Freiheit», 1972), развивающей его теорию конфликтов и углубляющей в анализ стратегий их решения, кантовским аргументам

³⁷ См. Ralf Dahrendorf, *Class and Class Conflict in Industrial Society* (Stanford: Stanford University Press, 1959), 206–08.

отводится ничуть не меньшая роль. Ключевым отличительным признаком общества Дарендорф называет «борьбу свободы с самой собой», выраженную в форме отношений господства и подчинения³⁸. Речь в данном случае идет о том же феномене, который Кант описывает через понятие необщительной общительности: стремлению к обособлению и изоляции каждого человека противостоит необходимая для наиболее полного развития его задатков социализация, а эгоистические тенденции способствуют возникновению и поддержанию отношений неравенства. Тем самым конфликты оказываются культурно и нормативно продуктивными, а социальная жизнь человека одновременно оказывается условием и ограничением его свободы с помощью норм и правил. Как и Кант, Дарендорф уверен в том, что общество без конфликтов и дискуссий обречено на стагнацию, подавляющую в зародыше саму возможность появления новых идей³⁹. В свою очередь, сопротивление и борьба с подавлением самовыражения в условиях неравенства оказываются необходимыми условиями прогресса.

В последующих работах Дарендорфа, начиная с «Путешествий вовнутрь и вовне» («Reisen nach innen und außen», 1984) и «Фрагментов нового либерализма» («Fragmente eines neuen Liberalismus», 1987)⁴⁰, его близость к Канту и в особенности та ключевая роль, которую для Дарендорфа играет кантовская «необщительная общительность», становится еще более очевидной. В ходе своей полемики с Францем Альтом по вопросу о принципах и целях движения за мир во всем мире Дарендорф открыто провозглашает себя кантианцем, отвергая идею мира как перманентного бесконфликтного состояния: по его мнению, современное движение за мир должно апеллировать не к моральному долгу каждого гражданина (что соответствовало бы

³⁸ Ralf Dahrendorf, *Konflikt und Freiheit. Auf dem Weg zur Dienstklassengesellschaft* (München: Piper, 1972), 283.

³⁹ Dahrendorf, *Konflikt und Freiheit*, 311.

⁴⁰ См. отсылки Дарендорфа к кантовскому употреблению понятий беспокойства (*Unruhe*) и необщительности (*Ungeselligkeit*) в начале главы о классовых конфликтах: Ralf Dahrendorf, *Fragmente eines neuen Liberalismus* (Stuttgart: DVA, 1987), 39.

выдвинутой Альтом теории *Gewissensbewegung*), а к конкретным политикам, которые могут – и должны – предпринять необходимые для достижения мира действия⁴¹.

В своих поздних книгах «В поисках нового порядка» («*Auf der Suche nach einer neuen Ordnung*», 2003) и «Новое начало истории» («*Der Wiederbeginn der Geschichte*», 2004) Дарендорф находит для своих тезисов новые формулировки, позволяющие использовать их в новых дебатах о социологической продуктивности кантовских идей, на этот раз в связи с понятием «космополитизм»⁴². Одновременно он спорит со многими коллегами (в т.ч. с социологом Ульрихом Беком, пионером современной социологии космополитизма), видящими в кантовских «космополитических надеждах» заимствованную у Руссо идею идеального, бесконфликтного мира будущего⁴³ и совершенно не принимающими в расчет тезис Канта о продуктивности социальных конфликтов. В работе «Новое начало истории» Дарендорф кратко резюмирует свою позицию, вновь ссылаясь на метафорическое предостережение Канта от стремления к перманентному улаживанию конфликтов ради достижения идеального общества, напоминающего образ Аркадии:

⁴¹ Ralf Dahrendorf, *Reisen nach innen und außen. Aspekte der Zeit* (Stuttgart: DVA, 1984), 60–2. Здесь, как и во многих других случаях, Дарендорф ссылается на четвертое положение «Идеи...», а именно на следующий тезис: «Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что для его рода хорошо; и она хочет раздора» (Кант, «Идея всеобщей истории», 12 = AA VIII, 21). Этот тезис Дарендорф использует в споре не только с Альтом, но и в целом со сторонниками концепции «мягкой республики» (*sanfte Republik*), указывая на то, что движение за мир должно быть громким протестом и даже бунтом, направленным против инертности политиков.

⁴² В частности, отсылка к «необщительной общительности» Канта подкрепляет тезис Дарендорфа о том, что ключевой задачей социальных институтов является канализирование, т.е. направление в продуктивное для развития общества русло, социальных форм антагонизма: Ralf Dahrendorf, *Auf der Suche nach der neuen Ordnung: Vorlesungen zur Politik der Freiheit im 21. Jahrhundert* (München: Beck, 2003), 49. В том же томе Дарендорф посвящает отдельный текст ответу на вопрос о возможности практического использования выдвинутых Кантом в «Идее...» тезисов в современной социологии (Dahrendorf, *Auf der Suche nach der neuen Ordnung*, 131–49).

⁴³ Dahrendorf, *Auf der Suche nach der neuen Ordnung*, 133–37.

Мы несовершенные существа, живущие в мире неопределенности. Следовательно, улучшение наших жизненных перспектив требует проб и ошибок, конфликтов и изменений. Открытое общество, с его неорганизованностью, противоречиями, неудобствами, но в первую очередь с его конституционной открытостью и вечной незавершенностью, и есть настоящее хорошее общество. Аркадия, с другой стороны, представляет собой немалую угрозу как утопия и полностью спланированное общество⁴⁴.

С методологической точки зрения использование Дарендорфом кантовских идей и аргументов является частью его стратегии критики в адрес доминирующих позиций гегельянства в послевоенной европейской социологии⁴⁵. В поздних работах, в частности в «Новом начале истории», его понимание кантовской идеи разума, окончательно принимающее прагматическую форму, становится инструментом атаки на центральный элемент Франкфуртской теории – понятие критики. Согласно Дарендорфу, одна из основных задач социологии, в т.ч. и социологии конфликтов, заключается в разоблачении неудачных научных попыток – в форме, напоминающей нам о кантовской идее просвещения как «веры в человеческую способность использовать свой собственный разум»⁴⁶, выраженной в кантовском понятии *animal rationabile*⁴⁷. Стоит отметить, что эту задачу, первоначально без тесной связи с позициями Канта, Дарендорф ставит перед собой уже в работах 1960-х гг., в которых он, в частности, подвергает суровой критике тенденцию деления и разграничения социологии на все более мелкие дисциплины, методология которых часто оказывается совершенно непроницаема для внешнего взгляда, тем самым становясь

⁴⁴ Ralf Dahrendorf, *Der Wiederbeginn der Geschichte. Vom Fall der Mauer zum Krieg im Irak* (München: Beck, 2004), 78. См. также с. 173 в той же книге и схожую отсылку в работе «Искушения несвободы»: Ralf Dahrendorf, *Versuchungen der Unfreiheit. Die Intellektuellen in Zeiten der Prüfung* (München: Beck, 2006), 63, 66.

⁴⁵ Dahrendorf, *Gesellschaft und Demokratie*, 18.

⁴⁶ Dahrendorf, *Der Wiederbeginn der Geschichte*, 328.

⁴⁷ Кант, «Антропология», 574–75 (= AA VII, 321–22).

неспособной критически осмыслить собственные теоретические основания⁴⁸. Для позднего Дарендорфа одной из скрытых причин этой ситуации является произошедшая, в первую очередь в период становления критической теории, трансформация изначально весьма четко определенного кантовского понятия критики в широкий и догматизированный принцип, не оставляющий пространства для самокритики⁴⁹. Учитывая другие, уже упомянутые аргументы Дарендорфа, можно сделать вывод, что ключевыми составляющими для подобной самокритики ему представляются элементы антропологические, поскольку именно они необходимы для анализа динамики понимания нас самих как людей, изучающих социальные отношения. Таким образом, по Дарендорфу мы всегда должны принимать во внимание несовершенство и ограничения использования человеческого разума и его прагматическую зависимость от специфических обстоятельств, а тем самым и избегать любых догматических тенденций во всех сферах социологического анализа, включая и социологию конфликтов.

На пике обсуждения теории конфликтов Дарендорфа в 1960–70 гг., совпавшем с низшей точкой популярности философской антропологии, его «антропологические» отсылки к кантовской идее необщительной общительности нередко подвергались критике за их неожиданный и несистемный характер, противоречащий строгой методологии структурного анализа общества⁵⁰. Эта критика представляется мне несостоятельной

⁴⁸ Ralf Dahrendorf, *Pfade aus Utopia. Arbeiten zur Theorie und Methode der Soziologie* (München: Piper, 1968), 85; см. также: Olaf Kühne, Laura Leonardi, *Ralf Dahrendorf: Between Social Theory and Political Practice* (Cham: Palgrave Macmillan, 2020), 35.

⁴⁹ Dahrendorf, *Der Wiederbeginn der Geschichte*, 178. Характерно в этой связи, что Дарендорф в ходе дискуссии о перспективах социального развития ссылается на кантовскую идею мирового сообщества (Dahrendorf, *Auf der Suche nach der neuen Ordnung*, 131–49; Dahrendorf, *Der Wiederbeginn der Geschichte*, 48). Дарендорф считает ее необходимым ориентиром, а систему парламентской демократии ключевым, но промежуточным звеном на этом пути (Dahrendorf, *Der Wiederbeginn der Geschichte*, 48).

⁵⁰ См. Luciano Cavalli, «Autorità, conflitto e libertà nell'opera di Ralf Dahrendorf», in Ralf Dahrendorf, *Uscire dall'utopia* (Bologna: Il Mulino, 1971), VII–

по трем причинам. Во-первых, как было показано ранее, понятие необщительной общительности у Канта имеет не только антропологическое измерение, хотя и тесно связано с его антропологией. Во-вторых, даже если признать его в первую очередь антропологическим (что в самом деле было бы справедливо), стоит помнить, что сам Кант рассматривал свою прагматическую антропологию как специальную научную дисциплину и инструмент научно обосновываемой систематизации наших знаний о мире⁵¹. В-третьих, Дарендорф, со своей стороны, не заимствует идею Канта спонтанно, в качестве изолированной иллюстрации собственных аргументов, но постепенно подводит под нее солидную методологическую базу в ходе развития своей теории конфликтов. Кроме того, целый ряд базовых методологических и идейных установок Дарендорфа полностью или частично совпадает с элементами, из которых складывается кантовская концепция необщительной общительности.

Помимо прочего, теория Дарендорфа в ее симбиозе с социальными элементами антропологии Канта представляет собой альтернативный (и хронологически более ранний) взгляд на проблему социального признания и борьбы за это признание, оказавшуюся в центре внимания представителей критической теории, в первую очередь наследника Хабермаса Акселя Хоннета, в конце 1980-х и в начале 1990-х гг. Хотя кантовская картина общества и социальных отношений далеко не так детальна, как у Гегеля, она представляет собой иное понимание природы и роли конфликтов, а также возможности их решения: как принцип социального действия, необщительная общительность не угрожает идентичности другого, потому что не ставит своей целью гомогенизацию, а напротив, противостоит

LXXXIII; David Binns, *Beyond the Sociology of Conflict* (London: Macmillan, 1977).

⁵¹ Я не буду углубляться в сложный, требующий пространного анализа вопрос о том, насколько обоснована такая претензия Канта. Кратко скажу лишь, что в целом разделяю точку зрения Т. Штурма (Sturm, *Kant und die Wissenschaften vom Menschen*), согласно которой кантовская антропология, несмотря на ее отдельные недостатки, в целом удовлетворяет как внутренним, так и внешним критериям системности.

ей, не интегрируя, но и не уничтожая чуждое. Очевидно, что на теоретическом уровне Канту удалось очень емко и глубоко описать базовую, не теряющую актуальности для социальных наук дилемму человеческой культуры – конфликт между стремлением к изоляции и прагматической необходимостью социализации⁵². Следует также отметить, что, в отличие от Гегеля и Маркса, Кант именно в связи с концепцией необщительной общительности говорит о стремлении к социальному признанию как об антропологическом факторе⁵³. Тем самым его концепция дает пищу для размышлений ряду представителей критической теории, до сих пор опиравшихся в этом отношении на гегелевскую традицию, а в отдельных случаях восполняя антропологические пробелы гегелевской аргументации отсылками к философским антропологиям Гельмута Плеснера и Арнольда Гелена⁵⁴.

Хотя понимание «необщительной общительности» у Дарендорфа в целом совпадает с культурно-социальной перспективой ее трактовки у Канта, оно не полностью повторяет кантовскую позицию, поскольку исключает или обходит многие из ее моральных и исторических аспектов – в первую очередь телеологического характера. Дарендорфа не интересуют универсалистские элементы кантовской этики в целом и понятие морального принципа в частности, а к перспективам применения этого понятия по отношению к социальным группам он относится более чем скептически⁵⁵. Роль прагматического разума и механизмов необщительной общительности в достижении социального благополучия, т.е. телеологическая функция необщительной общительности, для Дарендорфа не представляет теоретической значимости, как и телеологические элементы исторической интерпретации этой концепции у Канта. Стоит также отметить, что при анализе конкретных форм социальных

⁵² Cp. Bernhard Waldenfels, «Das Dilemma einer ungeselligen Geselligkeit», 29.

⁵³ См. AA XXV, 12–3, 245.

⁵⁴ См. Axel Honneth, Hans Joas, *Soziales Handeln und menschliche Natur. Anthropologische Grundlagen der Sozialwissenschaften* (Frankfurt am Main: Campus-Verlag, 1980).

⁵⁵ Dahrendorf, *Der Wiederbeginn der Geschichte*, 79.

конфликтов Дарендорф фактически констатирует неполноту кантовской оппозиции, дополняя ее противопоставлением сил, поддерживающих *status quo*, и тех, кто выступает за изменения⁵⁶. Впрочем, даже при таком дополнении кантовская оппозиция остается у Дарендорфа исходной, поскольку более глубоко описывает мотивы конфликтующих сторон (и благодаря тому более интересна для него).

С узким, как представляется на первый взгляд, вопросом о современной социологической актуальности идеи необщительной общительности оказывается тесно связан и вопрос о наследии Дарендорфа в современной социологии. Несмотря на критику кантовской антропологии, сопутствующую ее все более широкому обсуждению, в социальных науках кантовская концепция необщительной общительности по-прежнему остается предметом серьезного рассмотрения. Более того, некоторые представители современных теорий конфликтов, опирающиеся на идеи Дарендорфа, считают понятие необщительной общительности ключевой отправной точкой для любого эмпирического анализа в этой области⁵⁷. Такое мнение кажется неожиданно радикальным лишь на первый взгляд. По сути же кантовское понятие и связанные с ним аргументы, в их интерпретации Дарендорфом, задают важную теоретическую установку социологическому исследованию, переводя конфликты из области социальных аномалий в область нормативного и обращая критический потенциал анализа против утопических элементов определенных социологических теорий, эти конфликты описывающих. С другой стороны, конструктивный социологический потенциал «необщительной общительности», даже по мнению критиков кантовского понятия, пока не может быть раскрыт в полной мере: для этого была бы нужна особая форма анализа

⁵⁶ См. Dahrendorf, *Class and Class Conflict in Industrial Society*; Olaf Kühne, *Zur Aktualität von Ralf Dahrendorf. Einführung in sein Werk* (Wiesbaden: Springer, 2017), 36.

⁵⁷ См.: Karsten Berr, Olaf Kühne, «Werte und Werthaltungen in Konflikten», in *Landschaftskonflikte*, hrsg. Karsten Berr und Corinna Jenal (Wiesbaden: Springer, 2019), 82.

развития общества, совмещающая в себе элементы социальной теории и социальной психологии⁵⁸.

В области политической практики кантовская концепция необщительной общительности служит напоминанием о том, что любой закон, конституция или государственное устройство должны принимать в расчет социальную реальность⁵⁹, а принимаемые законы не должны исходить из идеи подчинения этой реальности индивидуальной, оторванной от нее идее, игнорирующей особенности и закономерности человеческих взаимоотношений. Согласно логике Канта, политика эгоизма, в первые десятилетия XXI в. одержавшая не одну принципиальную победу над политикой солидарности, приводит лишь к деградации культуры и социальной среды. Для адаптации решений ко все более стремительным социальным изменениям лучше обращаться к тем идеям и концепциям, которые дают возможность сохранять связь с социальной реальностью, не поддаваясь искушению ее радикально упрощать⁶⁰. Из множества социологов, испытавших влияние философии Канта, именно Ральф Дарендорф смог лучше всего уловить эту кантовскую мысль и адаптировать ее к анализу современных реалий. Знакомство с антропологией Канта и социологией Дарендорфа помогает нам лучше понять, что человеческие поступки нельзя трактовать лишь радикально-альтруистически или ограниченно-эгоистически. Возможно, в будущем это понимание положит начало новому этапу в анализе социальных отношений.

⁵⁸ Tilman Reitz, «From Unsocial Sociability to Antagonistic Society», 203.

⁵⁹ Ср. Gérard Raulet, *Critical Cosmology: On Nations and Globalization* (Lanham: Lexington Books, 2005), xvi.

⁶⁰ На ключевую роль критики упрощения социальных отношений совершенно справедливо указывает заглавие одного из немногих специально посвященных Дарендорфу текстов на русском языке – его некролога: Тимур Миняжев, «“Не пытайтесь упрощать мир, в котором вы живете...”»: Памяти Ральфа Дарендорфа», *Социологическое обозрение* 8, № 2 (2009).

Список литературы / References

- Гроций, Гуго. *О праве войны и мира*. Под редакцией С.Б. Крылова, перевод А.Л. Саккетти. М.: Ладомир, 1994.
(Grotius, Hugo. *On the Rights of War and Peace*. Edited by S.B. Krylov, translated by A.L. Sakketti, Moscow: Ladoimir Publ., 1994. (In Russian))
- Жаворонков, А.Г. «Социальные аспекты антропологии Канта и их влияние на социологию XX века: проблемы и примеры». *Вопросы философии* 12 (2019): 198–208. <https://doi.org/10.31857/S004287440007536-4>.
(Zhavoronkov, Alexey G. «Social Aspects of Kant's Anthropology and Their Influence of the 20th Century Sociology: Problems and Cases». *Voprosy Filosofii* 12 (2019): 198–208. <https://doi.org/10.31857/S004287440007536-4>. (In Russian))
- Жаворонков, А.Г. «Антропология Канта в контексте дебатов о расизме в истории философии». *Историко-философский ежегодник* 36 (2021): 339–64. <https://doi.org/10.21146/0134-8655-2021-36-339-364>.
(Zhavoronkov, Alexey G. «Kant's Anthropology in the Context of the Debates on Racism in the History of Philosophy». *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 36 (2021): 339–364. <https://doi.org/10.21146/0134-8655-2021-36-339-364>. (In Russian))
- Кант, Иммануил. *Сочинения*. 6 тт. М.: Мысль, 1963–1966.
(Kant, Immanuel. [Works]. 6 vols. Moscow: Mysl' Publ., 1963–1966. (In Russian))
- Кант, Иммануил. *Собрание сочинений*. 8 тт. М.: Чоро, 1994.
(Kant, Immanuel. [Collected Works]. 8 vols. Moscow: Choro Publ., 1994. (In Russian))
- Кант, Иммануил. *Сочинения на русском и немецком языках*. Т. 3. Под редакцией Эриха Соловьёва, Андрея Судакова, Буркхарда Тушлинга, Ульриха Фогеля. М.: Московский философский фонд, 1997.
(Kant Immanuel. [Works in German and Russian]. Vol. 3. Edited by Erikh Solov'ev, Andrei Sudakov, Burkhard Tuschling, Ulrich Vogel. Moscow: Moskovskii Filosofskii Fond Publ., 1997. (In Russian and German))
- Миняжев, Тимур. «“Не пытайтесь упрощать мир, в котором вы живете...”: Памяти Ральфа Дарендорфа». *Социологическое обозрение* 8, № 2 (2009): 94–9.
(Minjazhev, Timur «[“Don't Try to Simplify the World in Which You Live...”: In Memory of Ralf Dahrendorf]». *Russian Sociological Review* 8, no. 2 (2009): 94–9. (In Russian))

- Монтень, Мишель. *Опыты. Книга первая*. Пер. Анания Самуиловича Бобовича. М., Л.: Издательство АН СССР, 1954.
- (Montaigne, Michel. *Essays. Book 1*. Transl. by Ananii S. Bobovich. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1954. (In Russian))
- Ойзерман, Т.И. «Исторический оптимизм Канта». *Кантовский сборник* 1 (21) (1999): 3–21.
- (Ojzerman, T.I. «Kant's Historical Optimism». *Kantian Journal / Kantovskij sbornik* 1 (21) (1999): 3–21. (In Russian))
- Филиппов, А.Ф. *Социология пространства*. СПб.: Владимир Даль, 2008.
- (Filippov, A.F. *Sociology of Space*. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2008. (In Russian))
- Шацкий, Еж. *История социологической мысли*. Т. 1. Пер. с польского. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- (Schatzky, E. *History of Sociological Thought*. Vol. 1. Transl. from Polish. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2018. (In Russian))
- Adams, Bert N., Sydie, Rosalind A. *Sociological Theory*. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2001.
- Adler, Max. *Marx und Engels als Denker*. Bremen: Wiener Verlag für Sozialforschung, 2016.
- Berr, Karsten, Olaf Kühne. «Werte und Werthaltungen in Konflikten». In *Landschaftskonflikte*, herausgegeben von Karsten Berr, Corinna Jernal, 65–88. Wiesbaden: Springer, 2019.
- Binns, David. *Beyond the Sociology of Conflict*. London: Macmillan, 1977.
- Cavalli, Luciano. «Autorità, conflitto e libertà nell'opera di Ralf Dahrendorf». In Dahrendorf, Ralf. *Uscire dall'utopia*, VII–LXXXIII. Bologna: Il Mulino, 1971.
- Dahrendorf, Ralf. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford: Stanford University Press, 1959.
- Dahrendorf, Ralf. *Gesellschaft und Demokratie in Deutschland*. München: Piper, 1965.
- Dahrendorf, Ralf. *Pfade aus Utopia. Arbeiten zur Theorie und Methode der Soziologie*. München: Piper, 1968.
- Dahrendorf, Ralf. *Konflikt und Freiheit. Auf dem Weg zur Dienstklassengesellschaft*. München: Piper, 1972.
- Dahrendorf, Ralf. *Die Chancen der Krise. Über die Zukunft des Liberalismus*. Stuttgart: DVA, 1983.
- Dahrendorf, Ralf. *Reisen nach innen und außen. Aspekte der Zeit*. Stuttgart: DVA, 1984.

- Dahrendorf, Ralf. *Fragmente eines neuen Liberalismus*. Stuttgart: DVA, 1987.
- Dahrendorf, Ralf. *Der moderne soziale Konflikt. Essay zur Politik der Freiheit*. Stuttgart: DVA, 1992.
- Dahrendorf, Ralf. *Auf der Suche nach der neuen Ordnung: Vorlesungen zur Politik der Freiheit im 21. Jahrhundert*. München: Beck, 2003.
- Dahrendorf, Ralf. *Der Wiederbeginn der Geschichte. Vom Fall der Mauer zum Krieg im Irak*. München: Beck, 2004.
- Dahrendorf, Ralf. *Versuchungen der Unfreiheit. Die Intellektuellen in Zeiten der Prüfung*. München: Beck, 2006.
- Goldman, Loren. «Richard Rorty's Post-Kantian Philosophy of History». *Journal of the Philosophy of History* 9, no. 3 (2015): 410–43.
- Honneth, Axel, Hans Joas. *Soziales Handeln und menschliche Natur. Anthropologische Grundlagen der Sozialwissenschaften*. Frankfurt am Main: Campus-Verlag, 1980.
- Jonas, Friedrich. *Geschichte der Soziologie*. Bd. 1: *Aufklärung, Liberalismus, Idealismus*. 2. Aufl. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1981.
- Kant, Immanuel. *Gesammelte Schriften*. Akademie-Ausgabe. Berlin, 1900–.
- Kaulbach, Friedrich. «Weltorientierung, Weltkenntnis und pragmatische Vernunft bei Kant». In *Kritik und Metaphysik. Studien: Heinz Heimsoeth zum 80 Geburtstag*, herausgegeben von Friedrich Kaulbach und Joachim Ritter, 60–75. Berlin: De Gruyter, 1966.
- Kieliszek, Zdzisław. «Future Conflicts Are Inevitable: Causes of Interpersonal Conflicts According to Immanuel Kant and Thomas R. Maltus». *Philosophy and Cosmology*. 22 (2019): 152–61.
- Kleingeld, Pauline. *Fortschritt und Vernunft: Zur Geschichtsphilosophie Kants*. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1995.
- Kühne, Olaf. *Zur Aktualität von Ralf Dahrendorf. Einführung in sein Werk*. Wiesbaden: Springer, 2017.
- Kühne, Olaf, Leonardi, Laura. *Ralf Dahrendorf: Between Social Theory and Political Practice*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020.
- Lenk, Hans. *Pragmatische Vernunft. Philosophie zwischen Wissenschaft und Praxis*. Stuttgart: Reclam, 1979.
- Oppenheimer, Franz. *System der Soziologie*. Bd. 1: *Allgemeine Soziologie*. Hb. 2: *Der soziale Prozess*. Jena: Gustav Fischer, 1923.
- Plessner, Helmuth. «Ungeessellige Geselligkeit. Anmerkungen zu einem Kantischen Begriff». In *Gesammelte Schriften*. Bd. VIII, *Conditio humana*, 294–306. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1983.
- Raulet, Gérard. *Critical Cosmology: On Nations and Globalization*. Lanham: Lexington Books, 2005.

- Reitz, Tilman. «From Unsocial Sociability to Antagonistic Society (and back Again): The Historical Role and Social-scientific Presence of an Anthropological Trope». In *Thinking about Enlightenment: Modernity and Its Ramifications*, edited by Martin L. Davies, 188–206. London and New York: Routledge, 2016.
- Schneewind, Jerome Borges. «Good out of Evil: Kant and the Idea of Unsocial Sociability». In: *Kant's Idea of the Universal History with a Cosmopolitan Aim*, edited by Amelie O. Rorty and James Schmidt, 94–111. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Simmel, Georg. *Individualismus der modernen Zeit und andere soziologische Abhandlungen*. Ausgewählt von Otthein Rammstedt. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2008.
- Sturm, Thomas. *Kant und die Wissenschaften vom Menschen*. Paderborn: Mentis Verlag, 2009.
- Sturm, Thomas. «Kant on the Ends of Sciences». *Kant-Studien* 111 (2020): 1–28.
- Waldenfels, Bernhard. «Das Dilemma einer ungeselligen Geselligkeit». In *Sozialität und Alterität: Modi sozialer Erfahrung*, 29–72. Berlin: Suhrkamp, 2015.
- Wood, Allen. «Unsocial Sociability: The Anthropological Basis of Kantian Ethics». *Philosophical Topics* 19 (1991): 325–51.
- Wright, Robert. *Nonzero: The Logic of Human Destiny*. New York: Pantheon Books, 1999.